

УДК 328

ДОЛГОВ А.Ю.* ДЕЛАЯ СОТРУДНИЧЕСТВО ВИДИМЫМ :
ПРИМЕНЕНИЕ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАР-
ЛАМЕНТСКИХ КОАЛИЦИЙ. (Обзор)¹.

DOI: 10.31249/rsoc/2022.01.08

Аннотация. В обзоре рассматривается, как сетевой анализ применяется при изучении парламентских коалиций, какие факторы способствуют установлению сотрудничества, какие сетевые структуры образуются благодаря неформальным отношениям парламентариев.

Ключевые слова: сеть; сетевой анализ; парламентские коалиции; партии; сотрудничество.

DOLGOV A.Yu. Making cooperation visible : network analysis of parliamentary coalitions. (Literature review).

Abstract. The review examines how network analysis is applied to the study of parliamentary coalitions, what factors contribute to the establishment of cooperation, and what network structures are formed through the informal relationships of parliamentarians.

Keywords: network; network analysis; parliamentary coalitions; parties; cooperation.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; старший преподаватель кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: adolgov@inion.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31792.

Для цитирования: Долгов А.Ю. Делая сотрудничество видимым : применение сетевого анализа при изучении парламентских коалиций. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2022. – № 1. – С. 129–140. DOI: 10.31249/tsoc/2022.01.08

«Сеть» – понятие, охватывающее очень разные исследовательские направления, идеи и интуиции в социальных науках как на уровне выбора объекта исследования (политические сети, социальные сети, цифровые сети и т.д.), так и на уровне методологии сетевого анализа. Но несмотря на размытость понятия «сеть», сетевая оптика остается весьма востребованным инструментом в политических исследованиях. Сетевой анализ часто применяется в изучении парламентских систем, поскольку в них акторы политического процесса взаимодействуют, не только конкурируя между собой, но и выстраивая различные коалиционные стратегии: для получения голосов на выборах, для подготовки законопроектов и принятия законов, для получения большинства в парламенте и формирования правительства и т.д. Поэтому, как отмечает В.В. Сидоров, чтобы понять, как работает современная парламентская демократия, нужно понять, как формируются коалиции [Сидоров, 2016, с. 4].

В представленном обзоре публикаций показано, как сетевой анализ применяется при изучении парламентских коалиций, какие факторы способствуют установлению сотрудничества, какие сетевые структуры образуются благодаря неформальным отношениям парламентариев. Научная литература, посвященная политическим сетям и коалициям, обширна и объемна, поэтому, не стремясь охватить максимальное количество публикаций в обзоре, мы стремимся, с одной стороны, отразить характерные подходы при изучении парламентских коалиций с помощью сетевого анализа, с другой – показать новые направления исследований, преодолевающие ограничения предыдущих работ. Делая реферативный обзор публикаций, мы ограничиваемся кратким описанием исследовательских вопросов и полученных результатов, которые в них содержатся. Однако стоит подчеркнуть, что применение сетевого анализа подразумевает детальное прояснение методологии исследования и тщательную обработку эмпирических данных. Такие работы содержат подробное описание статистического моделиро-

вания сетей и компьютерного программирования, объемные таблицы и визуализацию данных. Цель этого обзора – показать основные направления исследований парламентских коалиций с помощью сетевого анализа.

Исследователи нередко стремятся к сближению понятий «коалиция» и «сеть». Оливер Фюг из Университета Эксетера (Великобритания) предлагает рассматривать коалиционные сети как отдельное сплоченное подмножество в рамках более широких политических сетей, которые понимаются как совокупность акторов, вовлеченных в политический процесс, и их отношения [Füg, 2011]. Исследователь отмечает, что процесс выработки политических решений осуществляется в условиях, когда готовые меры не могут быть приняты или навязаны в одностороннем порядке, как это предполагает идеал-типическая модель бюрократической организации, поэтому акторы вынуждены объединять усилия, чтобы увеличить шансы на реализацию своих политических целей [ibid., p. 5]. Для анализа такого типа политической организации необходимы иные концептуальные инструменты, поэтому О. Фюг предлагает использовать понятие коалиционных сетей. Он определяет их как «группы участников, обычно из одной политической подсистемы, которые внутренне связаны множеством отношений для достижения согласованных политических целей и демонстрируют признаки позитивной внутренней и негативной внешней координации действий» [ibid., p. 6]. Соответственно, задача исследователей состоит в том, чтобы эмпирически идентифицировать эти слабо структурированные коллективы и их специфические реляционные свойства.

Одно из ограничений, которое помогает преодолеть сетевой анализ, состоит в пересмотре традиционного взгляда на взаимодействие представителей различных политических партий как на то, что определяется исключительно конкуренцией. Сетевой анализ позволяет обнаружить неформальные сети сотрудничества, которые создаются, например, на основе обмена информацией как политическим ресурсом (имеется в виду информация в широком смысле, как техническая, так и политическая). Такой анализ провели немецкие политологи А. Вонка и С. Хаунсс [Wonka, Haunss, 2020]. Опираясь на данные онлайн-опроса депутатов Бундестага Германии, они обнаружили пять кластеров парламентариев, чьи

сети сотрудничества различаются как по своей структуре, так и по интенсивности контактов, которые они поддерживают с разными участниками: 1) депутаты, сотрудничающие с членами своей парламентской партии; 2) депутаты, сотрудничающие с министрами правительства в основном из своей партии; 3) депутаты, которые помимо контактов внутри своей партии поддерживают прочные связи с неправительственными организациями (НПО) и профсоюзами; 4) депутаты, регулярно контактирующие с руководством своей парламентской группы и с руководством своей партии; 5) депутаты, взаимодействующие с группами интересов [ibid.]. Участие в опросе приняли 98 (16%) из 614 депутатов Бундестага 16-го созыва (исследование проводилось в 2009 г.). Парламентариям задавались вопросы об их контактах при поиске информации о политике ЕС и предлагался список политических и бюрократических акторов в исполнительных и законодательных органах власти, а также различных групп интересов, действующих в Германии, в других государствах – членах ЕС и на уровне ЕС. Респонденты могли указать дополнительных акторов, с которыми они обмениваются информацией при разработке политических решений ЕС [ibid., p. 136–137]. Недостаток такого исследовательского подхода, как сразу можно отметить, заключается в ограниченности и неполноте эмпирических данных, поскольку связи депутатов фиксируются только на основе их ответов в опроснике, которые не всегда отражают их реальные взаимодействия.

Ключевой тезис, от которого отталкиваются немецкие политологи при изучении обмена информацией между парламентариями, состоит в том, что «сила информационных связей будет систематически связана с политическими коалициями, которые парламентарии формируют с другими акторами для согласования общих позиций и реализации коллективных политических действий по достижению своих законодательных целей» [ibid., p. 133]. Иными словами, парламентарии склонны формировать коалиции с теми акторами, с которыми они обмениваются информацией. Анализ данных, полученных с помощью онлайн-опроса, показал, что имеется значимая положительная корреляция между информационными связями и связями с коалициями, о которых сообщали депутаты [ibid.].

Применяя сетевой и кластерный анализ, А. Вонка и С. Ханунсс эмпирически проверили следующие три гипотезы. Первая гипотеза: «Сети сотрудничества парламентариев с небольшим стажем (один законодательный срок) ограничены членами их парламентской партии и их однопартийцами в Европейском парламенте» [ibid., p. 134]. Эта гипотеза обусловлена рассуждениями о том, что для приобретения политического опыта и получения политических связей политикам требуется время, поэтому депутаты с небольшим стажем будут ограничиваться установлением сотрудничества с однопартийцами, но чем дольше они будут работать, тем шире будет их сеть сотрудничества (в том числе за пределами их партии).

Согласно второй гипотезе, парламентарии, занимающие должности председателя или заместителя председателя парламентского комитета либо спикера своей парламентской партии, будут стремиться сохранить свои должности, поэтому, чтобы увеличить свои шансы на успех, они будут использовать свою формальную позицию для расширения сети сотрудничества, выходя за рамки исключительно партийного взаимодействия и не ограничиваясь партийной идеологией [ibid., p. 134–135].

В рамках третьей гипотезы рассматриваются связи в сетях сотрудничества парламентариев с различными типами групп интересов, которые, как предполагается, должны в значительной степени определяться их политическими убеждениями и идеологией. Ожидается, что парламентарии от левых партий (социалисты, зеленые, социал-демократы) будут поддерживать больше связей с профсоюзами и НПО, а у парламентариев от правых партий (либералы, христианские демократы и консерваторы) будут более тесные связи с бизнес-ассоциациями [ibid., p. 135–136].

В результате проверки первая гипотеза не получила поддержки, однако в представленной выборке парламентарии с большим стажем имели более тесные кросс-институциональные связи с правительством, а среди тех, чей срок работы ограничивался одним созывом, чаще обнаруживались связи с бизнес-группами интересов. Частично подтверждается предположение авторов о том, что более опытные депутаты стремятся создавать себе репутацию надежных политических партнеров, что позволяет им создавать связи в различных институтах и с теми, кто принимает ре-

шения в правительстве [Wonka, Haunss, 2020, p. 144]. Вторая гипотеза в целом была подтверждена: руководящие формальные должности обеспечивают привилегированное положение депутатов в сетях парламентского сотрудничества и дают им авторитет в поиске компромиссов в своих партийных группах и, возможно, между ними [ibid., p. 145–146]. Наконец, третья гипотеза получила сильную поддержку. Как отмечают А. Вонка и С. Хаунсс, парламентарии опираются не на широкий круг групп интересов, а только на те, которые помогают им продвигать свои собственные цели и цели своей партии, т.е. связи с такими группами интересов и получаемая от них информация должны способствовать укреплению собственной позиции политика [ibid., p. 146].

Группы интересов – важный участник процесса создания коалиций, который часто игнорируется в исследованиях, но становится «видимым» благодаря сетевому анализу. Так, в исследовании американских политологов М. Гроссмана и К. Домингес с помощью сетевого анализа показано, что в рамках американской двухпартийной системы группы интересов выбирают разные стратегии в зависимости от контекста: во время выборов они действуют как партийные коалиции (поляризация осуществляется по партийной принадлежности), а в законодательных дебатах для принятия закона они стремятся преодолеть разногласия для достижения консенсуса (т.е. объединяются вокруг общей проблемы) [Grossmann, Domínguez, 2009].

В своей работе М. Гроссман и К. Домингес хотели выяснить, копируется ли партийная модель конкуренции на уровне взаимодействия групп интересов, отличается ли структура этих групп, меняются ли стратегии их действий в зависимости от стоящих перед ними политических задач. Исследователи выделили разные контексты электорального и законодательного циклов, чтобы увидеть динамику коалиционного взаимодействия партий и групп интересов. Эти контексты были сформированы исходя из трех типов данных: данные о поддержке со стороны групп интересов во время предварительного голосования; данные об упоминаниях групп интересов в протоколах Конгресса, которые выступали за или против законопроекта, предложенного членом Конгресса; данные о взносах для всех кандидатов на всеобщих выборах 2002 г. Такой подход позволил увидеть, что у групп интересов есть определенные

стимулы для объединения в партийную коалицию на выборах, но они также могут создавать двухпартийные коалиции для достижения законодательных целей [Grossmann, Dominguez, 2009].

Убеждения и партийная идеология, как видно по предыдущему исследованию, не являются жесткими предикторами того, как будут возникать коалиции, – не менее важны контекст и конкретные политические обстоятельства, в рамках которых они складываются. Но схожесть политических убеждений остается одним из ключевых факторов, определяющих формирование коалиций. Например, используя теоретическую рамку коалиции поддержки (advocacy coalition framework), американские политологи Адам Дуглас Генри, Марк Любелл и Майкл Маккой показали, что акторы со схожими политическими убеждениями с большей вероятностью образуют коалиции, что приводит к фрагментации политических подсистем на идеологические группы. Еще одним драйвером возникновения сетевой политической структуры в их исследовании является социальный капитал акторов, т.е. доверие и нормы взаимности, которые помогают укрепить отношения сотрудничества [Henry, Lubell, McCoy, 2011, p. 420]. Эмпирические данные в их работе были получены с помощью опроса политиков, занимающихся планированием землепользования и транспортной инфраструктуры в четырех регионах Калифорнии. Для обнаружения сетей сотрудничества респондентам (N = 641) было предложено указать, с какими правительственными организациями, а также частными и неправительственными группами (экологические группы, застройщики, фермеры, СМИ и т.д.) они «сотрудничали в течение последних трех лет по вопросам регионального землепользования» [ibid., p. 428].

Сетевой анализ позволяет увидеть и зафиксировать, что содействует, а что препятствует формированию парламентских коалиций. Даже если акторы разделяют общие политические цели, это не всегда будет залогом возникновения прочной коалиции. Так, в исследовании межорганизационного сотрудничества и политических сетей Кристофера Уира, Пола Лихтермана и Николь Эспарзы в дополнение к теории гомофилии показана важность культурных факторов для возникновения сотрудничества [Weare, Lichterman, Esparza, 2014]. Авторы отмечают, что теория организационной культуры основана на простом, но сильном тезисе: «Социальные

отношения, в которые включены индивиды, генерируют предсказуемые культурные предубеждения, взгляды на то, как устроен мир <...> и как жить в этом мире, и эти предубеждения, в свою очередь, имеют тенденцию поддерживать и сохранять существующий набор социальных отношений» [Weare, Lichterman, Esparza, 2014, p. 612].

Сетевой анализ показывает, что структуры взаимодействий выходят за рамки партийной принадлежности, а межпартийные связи могут возникать на неформальном уровне. Например, с помощью сетевого анализа можно зафиксировать коллаборации депутатов и сенаторов не только в рамках законодательной деятельности, но и в социальных медиа или на пресс-конференциях.

Нидерландские исследователи Марк Эстеве Дель Валле, Марсель Брурзма и Арнаут Понсьён задаются вопросом: способствует ли использование депутатами социальных медиа развитию коммуникации между парламентариями, которые думают по-разному, или это приводит к образованию кластеров единомышленников, поляризованных по партийному признаку, объединяя только тех членов парламента, которые думают одинаково? [Esteve Del Valle, Broersma, Ponsioen, 2021]. Авторы отмечают, что после выборов 12 сентября 2012 г. нидерландская партийная система была фрагментирована на 11 средних и мелких партий, которые заняли 150 мест в парламенте [ibid., p. 8]. В таких условиях механизм работы «консенсусной демократии» вызывает особый интерес. Они использовали экспоненциальную модель случайных графов на выборке всех твитов с 3 ноября 2015 по 3 ноября 2016 г., в которых 144 члена парламента Нидерландов упоминали друг друга ($N = 7356$). В исследовании были рассмотрены параметры сети (взаимность, популярность и брокерство) и индивидуальные атрибуты (стаж, участие в парламентских комиссиях, возраст, пол и географический регион), которые способствуют установлению коммуникационных связей между парламентариями.

Анализ показал, что взаимность, популярность и брокерство (посредничество), как и ожидалось, увеличивают вероятность установления коммуникационных связей между депутатами. Стаж работы оказался незначимым фактором, а вот участие в парламентских комиссиях положительно влияло на вероятность установления депутатами коммуникационных связей. Вероятность

упоминания молодых членов парламента и женщин была выше, чем остальных парламентариев. Вероятность упоминания парламентариев увеличивается на 3,25%, если оба парламентария проживают в городской агломерации Рандстад (включает в себя четыре крупнейших города страны – Амстердам, Роттердам, Гаагу и Утрехт) или если оба проживают за ее пределами [Esteve Del Valle, Broersma, Ponsioen, 2021, p. 9–10]. Также было зафиксировано то, что нидерландские политики общаются онлайн не только с членами своей партии. Упоминая в «Твиттере» членов других партий, депутаты критикуют своих оппонентов или, наоборот, ищут точки соприкосновения, которые в дальнейшем могут стать основой для формирования коалиции.

Похожее исследование о связи ретвитов и совместного голосования депутатов восьмого Европарламента (2014–2019) провела группа исследователей из Словении и Франции [Cohesion and coalition formation ..., 2016]. Они проанализировали 2535 поименных голосований (roll-call votes), а также твиты и ретвиты членов Европарламента в период с октября 2014 по февраль 2016 г. В целом была выявлена положительная корреляция между ретвитами и совместным голосованием. Наиболее сильные положительные корреляции наблюдались в тематических областях «Свобода, безопасность и правосудие», «Внешние связи ЕС» и «Внутренние рынки». Более слабые, но все же положительные корреляции обнаружены в областях «Экономическая, социальная и территориальная сплоченность», «Европейское гражданство» и «Состояние и развитие ЕС». Единственным исключением со значительным отрицательным коэффициентом была область «Экономическая и валютная система» – здесь наблюдалось отклонение от обычных моделей совместного голосования [ibid., p. 22–23]. Также анализ сетей в «Твиттере» показал, что наиболее сильные коалиции возникают у правых политиков. Это объясняется тем, что они склонны распространять по сети ретвиты антиевропейского содержания [ibid., p. 24].

В исследовании американских политологов Брюса Демаре и его коллег, посвященном изучению сотрудничества законодателей в сети пресс-конференций в Сенате, отмечается, что чаще всего отношения парламентариев рассматриваются как то, что обусловлено институциональными (например, членством в комитете или

фракции) и нереляционными факторами, такими как политические и идеологические предпочтения [Measuring legislative collaboration ..., 2015]. При изучении сетей в американской законодательной власти наибольшее внимание исследователей традиционно привлекает процесс соподдержки (cosponsorship), когда сенатор добавляет свое имя в качестве сторонника к законопроекту инициатора принятия законопроекта (на англ. – «sponsor» или «patron»). Однако, как показывают авторы, можно зафиксировать существование сетевой структуры сотрудничества, которая выходит за рамки партийной принадлежности, – она возникает при проведении сенаторами совместных мероприятий для прессы.

Б. Демаре с соавторами объясняют, что обычно сенаторы проводят индивидуальные пресс-конференции, чтобы заявить о своей политической позиции, своих заслугах или инициативах. Но у них есть стимул проводить и совместные встречи с прессой, поскольку события, в которых участвуют несколько сенаторов, привлекают больше внимания и получают больший отклик в СМИ. В то же время физическое пространство для проведения таких мероприятий ограничено, поэтому на них можно пригласить определенное количество сенаторов. К тому же проведение пресс-конференции стоит очень дорого. Исходя из этого исследователи делают вывод, что случаи, когда несколько сенаторов проводят совместную встречу с прессой, – это «результаты нетривиальной координации со стороны сенаторов и их штабов», дающие представление о том, кто из сенаторов имеет тесные рабочие отношения друг с другом [ibid., p. 43].

Американские исследователи провели сетевой анализ пресс-конференций, организованных в Сенате США с 1981 по 1998 г. За это время было устроено более 20 000 встреч с представителями СМИ, из них в 4131 участвовали два и более сенатора. Политологи пришли к следующим выводам. Во-первых, совместные пресс-конференции посвящены темам, которые имеют центральное значение для процесса законодательного сотрудничества. Во-вторых, структура сети пресс-конференций отличается от структуры наиболее часто изучаемой сети в законодательной власти США – соподдержки. Структуру сообщества в сети пресс-мероприятий в отличие от структуры соподдержки нельзя объяснить только через партийную принадлежность. В-третьих, связи, возникающие в

рамках пресс-конференций, коррелируют с двумя наиболее значительными организационными силами в Конгрессе – партиями и комитетами [Measuring legislative collaboration ..., 2015, p. 49]. Наконец, показано, что проведение совместных пресс-конференций оказывает статистически значимое положительное влияние на показатели одинакового голосования сенаторов (эта закономерность проявляется во всех конгрессах, кроме двух самых ранних в выборке) [ibid., p. 51]. В будущих исследованиях сетей взаимодействия, возникающих в рамках пресс-конференций, Б. Демаре и его коллеги предлагают обратить внимание на роль в этом процессе сотрудников штабов сенаторов, которые, меняя места работы, часто остаются лояльными к своим прежним начальникам [ibid., p. 52–53].

Еще одной неявной основой для возникновения сетевой структуры в парламентах, как обнаружили немецкие политологи Себастьян Екле и Томас Мец, являются устные вопросы, которые законодатели задают на заседаниях [Jäckle, Metz, 2019]. Эти вопросы подписываются их авторами, и благодаря этому можно создать сеть членов Европарламента, которые выступают в поддержку устных обращений друг друга. Сетевой анализ показал, что сотрудничество в основном обусловлено партийной принадлежностью, при этом «Альянс либералов и демократов за Европу» (ALDE), «Зеленые – Европейский свободный альянс» (Green / EFA) и «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера» (GUENGL) оказались наиболее сплоченными группами, а «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» (S&D) внутренне связан довольно слабо. Эти группы преимущественно дистанцируются друг от друга, исключение – Европа за свободу и прямую демократию (EFD) и Европейская народная партия (EPP). Вторая по значимости характеристика кластеризации – это родная страна законодателей («земляки» сотрудничают чаще, а законодатели из разных стран – реже) [ibid., p. 110].

В заключение сделаем несколько обобщений по рассмотренным публикациям. Во-первых, сетевой анализ позволяет отчетливо продемонстрировать, что межпартийные и парламентские взаимодействия не сводятся исключительно к конкуренции – в парламентах обнаруживаются сети сотрудничества, которые выстраиваются исходя из разных оснований. Во-вторых, сети сотрудничества не

ограничиваются партийной принадлежностью акторов. Политические акторы в различных контекстах могут получить преимущества от сотрудничества как с однопартийцами, так и с внешними акторами (например, группами интересов) и даже с оппонентами. В-третьих, в рамках сетевого анализа коалиций рассматриваются реляционные (зафиксированные взаимодействия) и нереляционные (например, убеждения) факторы, способствующие установлению сотрудничества. Это открывает широкие перспективы для сбора и анализа разнообразных эмпирических данных. Сетевой анализ, таким образом, позволяет уловить и описать важные элементы выстраивания коалиционных стратегий, что открывает перспективу более глубокого понимания политического процесса в целом.

Список литературы

- Сидоров В.В.* Коалиционная политика политических партий в парламентских системах. – Казань : Казан. ун-т, 2016. – 149 с.
- Cohesion and coalition formation in the European Parliament : roll-call votes and Twitter activities / Cherepnalkoski D., Karpf A., Mozetič I., Grčar. M. // PLOS ONE. – 2016. – Vol. 11, N 11. – P. e0166586.
- Esteve Del Valle M., Broersma M., Ponsioen A.* Political interaction beyond party lines : communication ties and party polarization in parliamentary Twitter networks // Social science computer review. – 2021. – Feb 2. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0894439320987569> (accessed: 01.11.2021).
- Füg O.C.* Coalition networks and relational policy analysis // Procedia: social a. behavioral sciences. – 2011. – Vol. 10. – P. 5–10.
- Grossmann M., Dominguez C.B.K.* Party coalitions and interest group networks // American politics research. – 2009. – Vol. 37, N 5. – P. 767–800.
- Henry A.D., Lubell M., McCoy M.* Belief systems and social capital as drivers of policy network structure : the case of California regional planning // J. of public administration research a. theory. – 2011. – Vol. 21, N 3. – P. 419–444.
- Jäckle S., Metz T.* Oral questions in the European Parliament : a network analysis // Statistics, politics a. policy. – 2019. – Vol. 10, N 2. – P. 87–113.
- Measuring legislative collaboration : the Senate press events network / Desmarais B.A., Moscardelli V.G., Schaffner B.F., Kowala M.S. // Social networks. – 2015. – Vol. 40. – P. 43–54.
- Weare C., Lichterman P., Esparza N.* Collaboration and culture : organizational culture and the dynamics of collaborative policy networks // Policy studies j. – 2014. – Vol. 42, N 4. – P. 590–619.
- Wonka A., Haunss S.* Cooperation in networks : political parties and interest groups in EU policy-making in Germany // European Union politics. – 2020. – Vol. 21, N 1. – P. 130–151.